

Владимир Топилин

В чём
твоя вера?

СИБИРИАДА

Владимир Степанович Топилин
В чём твоя вера?
Серия «Сибириада»
Собрание сочинений»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74109952

В чём твоя вера? : роман / Владимир Топилин: Вече; Москва; 2026

ISBN 978-5-4484-5861-3

Аннотация

Книга известного сибирского писателя Владимира Топилина рассказывает о путешествии в дикий таежный уголок, на знаменитые Тридцатые озера, расположенные в междуречье рек Казыр и Кизир у западного подножия Восточно-Саянского хребта; в старообрядческий край, где до сих пор служат старинным канонам веры и чтут обычаи предков. Она о том, как живут люди, открытые сердцем, но закрытые от остального мира.

Содержание

Недолгие сборы	7
Староверческий край	12
Счастливая Наташа	33
Адмиральская заимка	44
Кто кого запарил	69
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Владимир Топилин
В чём твоя вера?

СИБИРИАДА

Серия «Сибиряда. Собрание сочинений»

© Топилин В.С., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Недолгие сборы

Прежде чем написать эти строки, я долго обдумывал сюжет, не мог определиться с расположением событий. Таки-ми насыщенными и впечатляющими они были. Если объединить всё в один рассказ с общим названием – получится подобие «пересоленной каши». Если излагать все действия от начала до конца – читателю откроется серое, нудное изложение шестиклассника-троечника на тему «Как я провел это лето». И я решил разбить общую тему на несколько коротких глав. Так бывает в любом деле. Насколько правильным было это решение, судить тем, кто закроет последнюю страницу моего повествования.

Начиналось всё просто, быстро и бесповоротно. Во время очередной встречи с Анатолием Николаевичем Глимазенко я обмолвился о своём заветном желании:

– Всю жизнь мечтал побывать на Тридцатых озерах, но, вероятно, так и не получится.

– На Верхней Тридцатке?! – удивленно воскликнул он и уверенно улыбнулся. – Я тебя туда свожу! У меня там свой дом!

– Как?.. – не понял я и начал подавленно объяснять причины невозможности присутствия. – Кто же меня там носить будет?!

– Хм!.. Нашел проблему! – со смелой улыбкой заверил

Анатолий Николаевич и протянул крепкую руку в честь заключения договора. – Было бы сказано! Собирайся!

Я ответно пожал его ладонь, хотя сознанием не был уверен, что слова превратятся в действия. Были люди, зимой предлагавшие мне побывать на природе в том или ином труднодоступном месте. А летом по каким-то причинам забывали о своих обещаниях. Я не обижался: у каждого свои проблемы. В этот раз всё было иначе. Может, потому, что наш разговор с Анатолием Николаевичем состоялся не «за столом в зимнее время», а в салоне машины? Или причиной тому было его твёрдое слово и настойчивый, неугомонный характер? Так это или иначе, но уже через неделю в телефонной трубке я услышал шокирующую новость:

– Ты готов? Послезавтра выезжаем!

– Куда?! – не сразу понял я.

– Как это куда? – продолжал меня «добивать» веселым голосом Николаевич. – На Верхнюю Тридцатку! Забыл о нашем разговоре?! Я же тебе сказал – свожу! Значит, поехали! Тебя там ждут!

В моей голове взорвался хаос противоречий. Понятно, что к такому повороту событий я не был готов совершенно. С детских лет по рассказам отца и закоренелых охотников Тридцатка представлялась мне дивным, диким миром, где живут угрюмые, строгие, необщительные бородатые кержаки-староверы, по соседству с медведями, и добывающие себе пропитание в тайге. Величие гор, красота озер рисовали

образ девственной, первозданной таинственности, где обитают самые большие медведи, бродят лоси с неохватными рогами, а рыба достигает такой величины, что у рыбака не хватит раскинутых рук, чтобы показать её размеры.

В добавление к моим фантазиям хочу сделать небольшое пояснение. Горно-озерные места многие таёжники Кизиро-Шиндинского края называют Тридцатые озера. Знаменитые на весь Красноярский край озера Тиберкуль, Тагасук, Убинское, Можарское находятся в бассейне реки Казыр, у подножия Восточно-Саянского хребта с западной стороны. Недалеко от этих озёр расположились староверческий посёлок Нижняя Тридцатка и метеостанция Верхняя Тридцатка. В рассказах знатоков описание этих мест доходило до смешного. И я думал, что Тридцатка – это одна деревня с метеостанцией и стоит на озере Тиберкуль. С этим мне предстояло ехать в «медвежий угол». Впоследствии, когда все увидел своими глазами, растёкся, словно болотная жижа, было стыдно выглядеть в глазах старожилов бывалым таежником. Впрочем, обо всем по порядку.

Внезапное приглашение Анатолия Николаевича словно разложило меня, как холодец по тарелкам. Я не знал, как быть и что делать. За короткий период времени предстояло решить много проблем, связанных с моим состоянием – ограничением в самостоятельном передвижении. Как ехать? Что брать: продукты, бензин, коляску и прочее, что могло стать необходимым в тайге. Главная проблема – кто меня бу-

дет таскать на себе? Тайга – это не асфальтированная дорожка вдоль киосков на торговом центре «Заречный». Упавшие деревья, колодник – не фикус на окошке. Увидев мои глаза вразбежку, растерянное состояние, Анатолий Николаевич только улыбался:

– Ничего не бери! У меня там все есть! От тебя требуется только коляска, твоё присутствие и диктофон, потому что на всём протяжении дороги тебя ожидают несколько сюрпризов.

После слова «сюрпризы» он хитро усмехнулся, так как прекрасно знал, что нас ждёт впереди. Было очевидно, что всё решено без меня, за меня и в мою пользу. Мне оставалось только удивляться, когда и как Николаевич успел всё организовать?! Наверное, не спал три ночи.

Общий состав путешественников определился в четыре персоны. Без всякого сомнения, главным в путешествии выступал Анатолий Николаевич Глимазенко. За ним по старшинству моим «нянькой» стал наш общий друг, житель деревни Черемшанка Виктор Николаевич Краснов. Третьим, самым сильным, молодым и проворным представителем из нашей группы выделялся мой брат Александр Казанцев. Ему была уготована роль ещё и моего носильщика. Четвертый – автор этих строк, то есть я.

Определившись со временем выезда, мне на моем «высокопроходимом джипике» по имени «Ока» следовало выехать заранее. На этот счёт было две причины. Одна из них

– громоздкая коляска, одежда и какие-то продукты занимали много места, которого у Николаевича в машине было не так много из-за своего груза. Первая причина вытягивала вторую. Моя черепашка «Окушка» значительно уступала по скорости ястребу «Паджеро» Анатолия Николаевича. Если бы мы поехали вместе, ему пришлось бы ждать меня возле каждого верстового столба. Поэтому, быстро упаковав всё необходимое в машину, я выехал в Черемшанку вечером. Там мне предстояло провести ночь у Виктора Николаевича Краснова, чтобы утром, соединившись с друзьями, уже двумя машинами продолжить наше путешествие.

Староверческий край

Дорога от Минусинска до поселка Черемшанка проходит через районный центр – посёлок Курагино. Далее – на восток, по берегам рек Туба, Кизир, Казыр. Достаточно частые для подтаёжной местности населенные пункты встречаются через десять – двадцать километров, что говорит о плотном заселении Курагинского района. Плодородные сибирские земли со времен раскола церкви патриархом Никоном в 1640 году служили надёжным убежищем для староверов, немного позже – казаков, а с начала XIX века – для крестьян-переселенцев. Люди бежали от гнета и голода в поисках лучшей жизни родами и деревнями. По рассказам старожилов и аборигенов, деревни Тюхтяты, Таяты, Петропавловка, Нижняя Тридцатка когда-то были полностью староверческими. Имис, что стоит на левом берегу Кизира, основали казаки. А знаменитая Черемшанка имеет мордовское наследие. Сибирь давала приют всем, кто сюда приходил. Места хватало. Распрей и конфликтов с коренным населением, в данном случае с хакасами, не было, хотя это были их исконные земли. Остались и первоначальные названия рек, озер или гор. Например, озеро Тиберкуль переводится как Небесное озеро, река Казыр (Хазыр Упсу) – Бурная или Стремительная река, Кизир – Режущий, Бугуртак (Пугур таг) – Горбатая гора, Тагасук – Девять рек. Самая высокая вершина

Восточного Саяна, в верховьях реки Казыр – пик Грандиозный – Хайбыты, что значит Величие.

Расстояние от Курагино до Черемшанки составляет что-то около девяноста километров. Я уже ездил здесь не раз. Всегда с большим удовольствием приезжаю к своему другу Виктору Николаевичу Краснову. Дорогу изучил хорошо. Смотрю в окно своей «Окушки» – глаза радуются. Какие же здесь красивые места! Проехав от Курагино километров двадцать, слева наблюдаю красивейший склон, поросший березовыми колками. Красота! Всегда люблюсь этим склоном с крутыми, изрезанными водой овражками. Дальше дорога идёт по берегу Казыра и его протокам, весной – бурному и шумному, даже страшному, а летом – спокойному и чистому, манящему к себе свежестью и прохладой. Нередко на дороге можно встретить рыбаков, оставляющих свои машины на обочине. Слева крутосклоны чередуются с живописными скалами, где в труднодоступных местах весной устраивают себе гнёзда утки. Однажды я наблюдал, как мамаша-кряква летом переводила своё уже окрепшее потомство к реке, на острова, коих на Казыре очень много.

Дальше подъезжаю к брату Казыра – Кизиру. На левой стороне, за мостом расположилась красивая казацкая станция Имис. Дальше, до реки Можарки, вокруг раскинулись засеянные культурными растениями поля: здесь сельское хозяйство ещё как-то держится «на плаву». За Можаркой дорога врезается в тайгу. Воздух становится чище, свежее, насы-

щен запахом хвойных деревьев и разнотравья. Пытаюсь себе представить эту дорогу лет эдак сто назад. Боже, сколько же здесь было леса: кедров, сосен, пихт, елей!.. Но пришел человек с могучей техникой и где по уму, но большей частью бездумно стал влезать в размеренную жизнь тайги. Сколько кубометров древесины было вырублено и ушло, уплыло в неизвестном направлении. Да что там говорить, и так понятно.

А вот и деревня Тюхтыты. В глаза бросаются небольшие, недавно построенные домики. Их срубили новые поселенцы из общины Виссариона, приехавшие в эти края из разных концов страны и даже из-за рубежа. Они вдохнули новую жизнь в дряхлеющие поселения Курагинского района.

Между тем за окном моего «лимузина» сгушались вечерние сумерки. А вот и Черемшанка. Едва я успел остановиться перед хорошо знакомыми зелёными воротами, как они гостеприимно распахнулись. Это Дима, сын моего друга, с улыбкой и неподдельной радостью приглашает заехать во двор. Появился Виктор Николаевич:

– Володя, дорогой! Банька нас с тобой ждет! Давай, выбирайся из своей «погремушки» – и сразу туда!

– Было бы сказано!

Баня у Виктора Николаевича – это особый разговор! Грамотный температурный режим, чистая проточная вода и веничек – ни в сказке сказать, ни пером описать!

Не прошло и часа, как мы уже сидели за праздничным сто-

лом. Наши встречи, будь то у меня дома в Минусинске или здесь, в Черемшанке, – всегда праздник. Потому что встреча близких друзей, возможность свободно общаться другого и не предполагает. Хозяюшка, супруга Николаевича, Тамара, щедро угощала нас ужином. Мы приняли по первой, активизировав тем самым и без того непрекращающийся процесс общения. Слава богу, нам есть о чем поговорить. Далеко за полночь решили отойти ко сну.

Утро разбудило нас настойчивым телефонным звонком. Из трубки послышался весёлый голос Анатолия Николаевича:

– Так, мужики! Спите?! Мы уже в Можарке. Через полчаса будем у вас!

Мы посмотрели на часы: половина девятого. По обоюдному согласию с Виктором Николаевичем мы решили, что полчаса нам вполне достаточно, чтобы привести себя в порядок, умыться, выпить по чашечке кофе и «разгладить утюгом» лица после ночной посиделки.

Решили неправильно. Успели только умыться, налить в чашки кофе и «включить утюг», как к воротам лихо подскочил проворный ястреб Анатолия Николаевича. Как оказалось, скорость у «Паджеро» действительно в два или три раза быстрее, чем у «Оки». Переодетые в походные одежды Анатолий Николаевич и Саша выглядели более достойно, чем мы. Моё внимание привлекла фуражка с якорем над козырьком на голове Анатолия Николаевича. Такие фуражки про-

давались в магазине для одежды когда-то по цене два рубля семьдесят пять копеек. В городе на голове человека она ничего не значит. Здесь же головной убор говорил о многом и был к месту! Поэтому мы с Виктором Николаевичем почти-тельно приветствовали его в чине адмирала. Но если есть адмирал, значит, рядом должен присутствовать генерал. Этот высокий чин мы тут же присвоили Виктору Николаевичу. Несмотря на две ночных смены, Саша выглядел бодренько и свежо. Смена городской обстановки, прекрасный воздух и предстоящая рыбалка действовали на брата положительно. Он шутил, смеялся и торопил в дорогу. Саше не терпелось поскорее схватить удочку.

Строгий голос Адмирала подействовал на нас отрезвляюще:

– Вы еще не собрались?! Как это?! Мы в семь выехали, а вы еще зеваете! Какой «утиуг»? Вам на сборы десять минут!

Быстро сложив немудреный скарб в машины, мы выдвинулись по черемшанским улицам к очередной точке нашего маршрута. Адмирал с Сашей на «ястребе» – впереди. Мы с Генералом на «хрюшке» – сзади.

Для горно-таежного региона Черемшанка – большой населенный пункт. Не могу, к сожалению, назвать точные данные численности населения, но предположительно здесь проживает не меньше двух тысяч человек. На двух длинных вдоль реки Казыр улицах – активное движение. Кто-то куда-то идет, едет, бежит, везёт, скачет на лошади. Первое впе-

чатление – жизнь кипит в каждом доме. Каждый человек занят каким-то делом. Вот мужик на лошади в телеге везет сено. Ему навстречу грузовик перевозит дрова. У соседнего дома хозяин колет чурки на поленья. Вон женщины идут с тляками, вероятно, на огород. Там старушка перегоняет через дорогу гусей. Другая хозяйка гонит коров. Несмотря на утро, пусть и позднее, на дороге – обилие транспорта, начиная от велосипеда и заканчивая гусеничным трактором. Возле небольших коммерческих магазинов нет людей в нетрезвом виде, как это бывает в умирающих деревнях, где мужики и женщины с бутылками пива восседают на лавочках и завалинках. На широких улицах – обилие живности: тут и там пасутся овцы, козы, лошади, коровы, гуляют куры, гуси. В каждом доме есть какое-то хозяйство.

Наблюдается контраст в строениях: рядом со старенькой избушкой можно увидеть новый дом, построенный без единого гвоздя. За крепкими, в два обхвата столбами и плотными воротами притаилась староверческая усадьба. Рядом живут люди разной веры. Староверы не мешают паломникам. Те, в свою очередь, с достойным уважением относятся к коренным жителям. Рядом с церковью Виссариона строится часовня православных христиан, её красота восхищает. Видно, что люди обустроились здесь надолго и основательно, вкладывая в жилище разумные и неразумные средства. Поэтому дома и квартиры здесь продаются и покупаются по баснословным ценам.

Рядом с деревней – молодая тайга. Куда ни помотришь – везде растут густые темнохвойные деревья, преимущественно кедры. На мой взгляд, им до ста пятидесяти лет. Если отнять это время, получим период, когда ловкая купеческая рука шуршанием бумажек заставляла простолюдинов рубить, валить и плавить по Казыру могучие, в два обхвата кедры.

Окружающие деревню и пойму реки горы заставляют поднимать голову выше. Здесь от Черемшанки начинается настоящая чёрная горная тайга. С улицы виден первый недалекий, на расстоянии около двадцати километров голец со снежной вершиной. Естественное сочетание реки, тайги и гор придает деревне незабываемый вид.

Сразу за Черемшанкой проселочную дорогу с обеих сторон обступает темнохвойный лес. Трудно представить, что когда-то здесь была всего лишь конная тропа. Первые переселенцы-староверы ходили между скитами и заимками пешком, в лучшем случае – на лошадях. Близкая река в летнее время позволяла людям тайги плавать вдоль берега на узких долбленых из осины и тополя лодках, упираясь шестами в дно. В зимнее время глубокие, до двух метров снега прерывали сообщение с соседями на полгода. Между деревнями люди ходили по снегу на широких, обитых лосиной шкурой – камусом – лыжах. Весной распутица и паводок вообще прекращали сообщение до тех пор, пока полностью не оттает слежавшийся снег. Сходить на лыжах в деревню Гуляевку из

Черемшанки и вернуться назад у путника занимало половину светового дня. Сейчас же мы на машинах на расстояние до Гуляевки потратили ровно десять минут.

Два километра между Черемшанкой и Гуляевкой не кажутся длинными. Несмотря на кочки и выбоины, машина уверенно держится на третьей передаче, в некоторых местах выпытывая четвертую скорость. Гуляевка показывается не сразу. Вначале на первом плане – небольшие покосы, расположенные вдоль дороги. Затем кедры расступаются, и тут предстает размах вольной жизни таёжников. Меня всегда поражает в староверческих поселках – простор! Нигде более я не встречал таких широких улиц. Если бы не горки да ямы, на этих улицах легко можно было бы приземлиться на маленьком одномоторном самолете. Усадьбы – что футбольное поле, пока речной обрыв не обрежет. Дома-пятистенки не такие большие, как у паломников, но из кедра, прочные, крепкие, как сами хозяева. Суровая зима с морозами и метелями требует много топлива. Дрова здесь у каждого дома сложены в поленницы в большом количестве. Топят староверы кирпичные русские – для выпечки хлеба – печи преимущественно березой: жару больше и копоти меньше. Используют и кедр, и осину. Смолистый кедр тоже отдает много тепла. А осина хорошо чистит дымовые колодцы.

Огромные староверческие усадьбы могут поведать о многом, каждая имеет свою историю, глубокие корни. С давних времен переселенцы, осваиваясь на этих землях первы-

ми, имели неограниченную возможность обретения личной территории. Отвоевывая у тайги поначалу небольшие участки для выращивания картофеля и других овощей и культурных растений, люди рубили лес, корчевали пни там, где понравится и насколько хватит сил. Потом постепенно участки метр за метром увеличивались.

В то же время на этом безбрежном таёжном просторе контрастом смотрятся усадьбы староверов. По ним не трудно определить скрытый, замкнутый характер хозяев. Двор и хозяйственные постройки закрыты плотными, высокими тесовыми воротами на толстых, в полтора обхвата столбах. Увидеть, что делается во дворе, с улицы невозможно, как и зайти «человеку с ветру». Далеко не каждый единоведец вхож в тот или иной дом.

Отсутствие общей староверческой церкви за несколько столетий раздробило людей. Почти в каждой семье и роду – своя правда. Случается и такое, что люди, живущие на одной улице, соседи не ходят друг к другу в гости только потому, что на службе одни отбивают на десять поклонов меньше или в их «Молитвослове» написано не то слово. И никому невдомек, что «грамотный» писарь, от руки переписывавший Библию лет двести назад, мог допустить какую-то ошибку.

С давних пор в Гуляевке староверы жили обособленно, не принимая, но и не отвергая мир других людей. Нелегко было простому смертному, чужаку в случае беды достучаться в толстые кедровые ворота. Здесь царили свои законы. Еже-

дневный труд с утра до вечера сопровождался общими молитвами, в некоторых семьях – по четыре раза в день. Соблюдали посты. Как и все смертные, старoverы рождались и умирали. Детей отдавали замуж и женили без любви, по родительскому согласию. Младшие почитали старших. Старшие учили младших целомудрию.

Может, и жили бы необщительные люди, никому не мешая, да вездесущая цивилизация протянула сюда свои длинные руки вместе с мутной, как после шквального ливня водой. По правому берегу Казыра (вниз по течению) проложили дорогу. Соответственно с дорогой в тайгу потянулись люди, нарушая крепкий уклад старообщинной жизни. Сейчас их селения далеки от своих первоначальных. Рядом со старoverами селятся, строят дома все кому не лень: от простого гуляки до «шелкового магната» с мешком денег в багажнике БМВ Х5. Сладкая, богатая жизнь разлагает человека быстро, тем более детей тайги, никогда не видевших городов с их многочисленными соблазнами. Подавляющее большинство из молодого поколения старoverов покинуло родительские дома, оставив на произвол судьбы своих старых родителей. Те, кто остался, тоже в корне изменили свой образ жизни, спокойно идут на контакт «с людьми с ветру», а о старых, затворнических временах отшельнической жизни в скитах и заимках помнят лишь со слов бабушек и дедушек.

Деревня Гуляевка находится на правом, вниз по течению, берегу реки Казыр. Мудрые люди, когда-то облюбовавшие

эти края, выбрали одно из красивейших мест Восточного Саяна. Чуть выше деревни находится знаменитый Гуляевский порог. Дорога проходит рядом с порогом, взбирается на скалистый пригорок, на котором находится смотровая площадка. Здесь останавливаются практически все путники, проезжающие в верховья Казыра, чтобы своим недолгим вниманием отдать дань уважения силе и мощи стремительной сибирской реке, полюбоваться на девственную красоту прозрачных истоков, поблагодарить дикий, дивный мир тайги с его духами и богами за право присутствовать здесь. С этой целью остановились и мы.

На Гуляевском пороге я был несколько раз, в разные времена года. Приходилось бывать в пик паводка, в июне, когда в пороге идет коренная вода. Без сомнения скажу – впечатление грандиозное. Бурая, грязная снеговая вода, пробиваясь сквозь узкое – не более 70 метров шириной – творило бьётся, мечется, прыгает, скачет всей своей плотной массой как многотысячный табун скакунов. Перекатываясь через камни, вода поднимает могучие валы, которые достигают пяти метров в высоту. Тогда стоя здесь, на площадке, невозможно слышать речь, приходится кричать собеседнику в ухо. Земля под ногами дрожит, а лужи на дороге вздрагивают мелкой рябью.

Сейчас июль. Гуляевский порог не такой прыткий, как весной, доставляет удовольствие любому впечатлительному глазу своей мощью. С тридцатиметровой высоты площадки

хорошо видны все его буруны, прыжки через камни и завихрения. Выше порога Казыр быстротечен, как уверенный в своих движениях змей. Размах водной глади от берега до берега в некоторых местах достигает двухсот метров. Лениво изворачиваясь на поворотах, величавый «змей» как бы нехотя греет свои бока на солнце, «зевает» объемными курьями и лиманами. А потом, вдруг увидев свою добычу, бросается в узкое творило порога. Сделав точный, уверенный трехсотметровый рывок, уже с добычей в животе, сытый и довольный змей-Казыр растекается ниже порога спокойным сливом, образуя у обоих берегов большие, тихие затоны.

...Умелые плотогоны до революции 1917 года, перегоняя с верховий Казыра кедрач, гнали в порог только половинки плотов. В зависимости от времени года половинки были не больше пятнадцати – двадцати метров в ширину. Если ширина была больше, плоты разбивало о камни. Преодолев Гуляевский порог, плотогоны загоняли половинки в затоны, связывали по два плота рядом – и уже до места назначения плыли в полную ширину. Сколько людей погибло в плотных водах порога и вообще на реке, знает только сам капризный, непредсказуемый Казыр-батюшка. Может быть, ещё и поэтому проезжающие мимо люди всегда останавливаются здесь, чтобы на площадке Гуляевского порога задобрить духов тайги. Обычно это делается небольшой стопочкой горячительной жидкости, которая выплескивается через левое плечо за спину.

Остановившись на площадке, наша команда быстро соорудила на капоте моей «Окушки» небольшой стол. Каждый достал из своих сумок скоропортящиеся продукты, которые необходимо употребить ещё во время дороги. Ни у кого из четверых не было сомнения, как и чем задобрить духов тайги. Иначе, по преданию, они будут всячески препятствовать нашему путешествию.

Первую чарку с соответствующими словами Адмирал выплеснул за левое плечо. Следующие чарочки пробежались по кругу. Здесь, думаю, работники ГИБДД простят нам наше употребление алкоголя за рулем, потому что на этот счёт у нас в оправдание есть веские аргументы. Первый, как уже сообщил, – задобрить духов и хозяина тайги. Второй – надо сосредоточиться перед предстоящими испытаниями, все равно на разбитой дороге не разогнаться выше тридцати километров в час. Третий – соблюдение меры. А мера на Гуляевском пороге для водителя – один маленький глоток. Следующие напитки в виде чая наливались из термоса.

Обязательный ритуал длился недолго. Через пятнадцать минут Адмирал приказал выдвигаться в дорогу. Нам ничего не оставалось, как безропотно подчиниться его команде.

Следующая староверческая деревня – Жаровск, расстояние до неё – двенадцать километров. Там, дальше порога, я еще не был. Сначала неплохая дорога позволяла машинам двигаться достаточно быстро, до 50 километров в час. Так продолжалось до тех пор, пока гравийка петляла по займи-

цу. Но стоило нам выехать к берегу, всё изменилось. Недавние вешние воды натащили на дорогу булыжники и гравий. В отличие от Адмирала, мне, выискивая проезд, пришлось петлять между камнями. Дальше, перед деревней, стало интереснее. В большую воду по дороге бежала река, которая размыла ее до основания. Хорошо, что перед нами намывы и рытвины сровнял грейдер. Иначе мне бы пришлось совсем туго. Я едва протискивался, прыгал, петлял между валунами размером с колесо моей машины. Двигатель «Оки» верещал поросенком, свистел, рычал от натуги и возмущался. Несмотря на все препятствия, проехав около двух километров по руслу высохшей реки, мы торжественно въехали в Жаровск.

Стесненная с одной стороны горами, с другой подпираемая Казыром, деревня, кажется, полностью находится в тайге. Могучие кедры растут рядом с дорогой, в огородах. Недавно построенные коттеджи и дома староверов стоят в густом темнохвойном лесу. Создается впечатление, что местные жители ревностно берегут любое растущее дерево. И это так! Рядом с толстыми столетними исполинами тянется к солнцу молодая, тонкая подсада. Прекрасный вид, чистейший воздух создают некую иллюзию летнего земного рая. Не хватает только яблочек. Почему летнего? Да потому, что зимой глубокие, до двух метров снега и трескучие сибирские морозы замораживают мир тайги на долгие семь месяцев. Иногда, в большие снегопады, на несколько дней пре-

кращается всякое общение с миром: дорогу переметает. Староверам не привыкать, они люди закаленные, это – их дом. В единении с природой нашли спасение паломники-виссарионовцы, люди терпеливые. А вот новые русские бегут из своих теремов на зиму в городские квартиры. Необходимо заметить, что коренное население деревни Жаровск – старообрядцы, некогда составлявшие костяк местного населения, стали разъезжаться по другим деревням. Две разные религии не смогли ужиться на одной территории, небольшом пятачке земли. Староверы предпочитают ретироваться.

В деревне дорога делится на две «штанины». Одна половинка уходит влево, на пригорок, потом – в небольшой ложок. Вторая поворачивает вправо, в объезд деревни. Исполняя обязанность гида, Виктор Николаевич терпеливо объясняет:

– Вот этот путь, – показывает налево, – ведет к Виссариону, в город Солнца. – Нам, – направо, – надо сюда, на Нижнюю Тридцатку. До нее еще чуть больше двадцати километров.

– Но ведь город Солнца стоит на горе рядом с озером Тиберкуль!.. – растерялся я.

– Да, так это и есть!

– А как же тогда Тридцатые Озера?!

– Какие Тридцатые Озера?! – теперь уже удивился Генерал.

– Ну... ведь поселок Тридцатые Озера стоит на озере Ти-

беркуль...

Вероятно, Виктора Николаевича моя «осведомленность» шокировала. Некоторое время, недоуменно посматривая на меня, он пытался сообразить, не ошибся ли. Но, подумав, даже не засмеялся над моими познаниями, а стал объяснять.

– Нет такого поселка Тридцатые Озера. Есть староверческий поселок Нижняя Тридцатка и метеостанция Верхняя Тридцатка. Они находятся на правой – вниз по течению реки – стороне Казыра. А озера Тиберкуль и Тагасук, о которых ты мне сейчас говоришь, находятся там, в тайге, далеко от Казыра! И староверческий поселок на озере так и называется – Тиберкуль!

– Сколько между ними?!

– Думаю, что напрямую по тайге – около пятидесяти километров.

Вероятно, моя физиономия в тот момент походила на колун, которым рубят березовые чурки. Шокирующая новость равнялась дырявому валенку на ноге плохого хозяина в лютые морозы.

«Вот те раз!.. Вот те и «знатоки местности», – про себя думал я, вспоминая своих «осведомителей, бывалых промысловиков», когда-то давно преподнесших мне неверную информацию. – Вот уж я им всем носы-то утру! Объясню, где и что находится! Ох, а какой конфуз вышел... хорошо, что я не рассказал об этом Ване Мурачеву».

Генерал заметил мою сконфуженную физиономию, одна-

ко не подал и виду, настолько он был умен. Кабы не поехал на машине сам, так и думал бы до старости о «Тридцатых озерах». Да еще писал бы для людей об этом...

Дорога от Жаровска до Нижней Тридцатки – угробление для российских машин. Яма на яме и ямой погоняет. Скорость передвижения – не больше двадцати километров в час. Не разгонишься. Рычаг скоростей тычется с первой на вторую передачу. За весь путь я включил третью скорость раз или два, но и то на несколько метров. Впечатление такое, что грейдер сюда не ездит никогда. Двадцать километров по разбитой дождями и машинами дороге пути за полтора часа стоят многого. Думаю, что у местных жителей, кто имеет свой транспорт, проблемой является разбитая подвеска и «ходовка», а не корова, которая не дает молока.

На обочинах периодически встречаются какие-то детали от машин, колеса, болты, бампера. Здесь сразу видно, какая машина чего стоит. Пусть на меня обижаются работники автозаводов Ульяновска и Тольятти, но хочу заметить, что большее преимущество при выборе автомобилей высокой проходимости люди тайги отдают машинам иностранного производства. Стоит посмотреть на тот факт, что Адмирал и Саша на своем «Паджеро» постоянно ждали, когда мы с Генералом догоним их на своей «хрюшке» на очередном этапе таежного пути. В добавление к кочкам и ямам на дороге встречались мостки из накатника, которые мне, чтобы не оторвать глушитель, приходилось преодолевать с большой

осторожностью. Глубокие лужи, ручьи, крутые пригорки с выходами гранитных скал значительно тормозили передвижение. Тем не менее путь к конечной точке нашего маршрута мы проехали достойно.

В какой-то степени я даже был рад, что путь через староверческие деревни доставляет много хлопот. В наше время, когда в тайгу лезут все и вся ради развлечения, по такой дороге не каждый дилетант осмелится бить свое авто. Боюсь представить, что бы здесь было, если бы до Нижней Тридцатки проложили асфальт.

Не доезжая нескольких километров до конечной точки нашего маршрута, увидели, что с правой стороны дороги в неглубоком распадке разлилось большое для этих мест и красивое Убинское озеро. Его размеры приблизительно равны километру в длину и пятистам метрам в ширину. Зажатое в объемную чашу горами, заросшее со всех сторон густым лесом озеро чем-то напоминает собой огромную слезу: такую же чистую и прозрачную. Подъехать и остановиться на его берегу может любой, кто умеет водить машину. Даже с дороги видно, как берега озера безобразно захламлины мусором цивилизации: пластиковые бутылки, пакеты, остатки продуктов, битое стекло... Генерал рассказал мне, что однажды с детьми школьного возраста они останавливались здесь в туристическом походе. С другой стороны озера находилась охотничья избушка. Человек строил ее, старался, не жалел времени и своих сил не только для себя, но и для случайного

путника, которому может понадобиться кров. В той избушке после посещения каких-то «разумных существ» не осталось ничего. Нары сожгли. Дверь разломали. Окно выбили. Печку расстреляли из ружей. Оставили после себя горы мусора. Трудно представить состояние того мужика, кто пришел к избе осенью на охоту. Сразу после этого охотник покинул это место. Бесхозная избушка без глаза хозяина быстро завалилась. А когда снова придут те самые варвары, что ее когда-то разграбили и осквернили, негде им будет переночевать, нечем развести костер... Так и стоит заброшенная, полуразвалившаяся избушка, как позорный знак расхитителям, представителям всемогущей цивилизации. Никто из деревенских мужиков больше не построит на берегу Убинского озера новое зимовье. Горько и обидно от этого. За мужиков наших, простых людей тайги. Может, по таким же причинам старообрядцы до настоящего времени с недоверием относятся к людям с ветру?!

Староверческая Нижняя Тридцатка появилась неожиданно, сразу из-за поворота. С небольшого пригорка открылся изумительный вид глухого таежного поселения на берегу реки с её первозданной красотой. Широта и простор крестьянских усадеб. Крепкие дома-пятистенки с многочисленными хозяйскими постройками. Здесь фактически одна небольшая просторная улица. Население вряд ли превышает три десятка человек. Хотя, может, я ошибаюсь, потому что староверческие семьи богаты детьми.

С трех сторон селение подпирает кедровая тайга. С четвертой, за крутым яром катит свои плотные воды батюшка Казыр. На берегу, подтверждая прямое сообщение таёжников с другими сёлами и городами, – перевернутые лодки. Их много: «казанки» и самодельные, железные, восьмиметровые, «длинномерки».

Сразу на въезде, слева на пригорке в густом темнохвойном лесу притаилось кладбище. К нему от реки ведёт узкая бетонная лестница. Над лестницей на видном месте внимание привлекает небольшая стела: памятник первопроходцам, исследователям трассы Абакан – Тайшет – Кошурникову, Стофато и Журавлеву, погибшим в 1942 году. За ней под деревьями видны старые кресты. Здесь покоятся все, кто когда-то пришел сюда со времен «великих переселений».

Несмотря на многочисленную живность, бродившую свободно всюду, глаз радует чистота и порядок, который просматривается во всем. Ровные поленницы вдоль заборов. Аккуратно переложённый лес-кругляк. Плотные высокие ворота. Длинные, будто отмеренные по шнуру, заборы. В чём секрет чистоты на деревенской улице? Нет мусора и грязи, которые обычно бывают под ногами: бутылки, пакеты, тряпки, железки или щепки. И тут же нашел ответ. Староверы сами следят за порядком возле своих домов, хотя их никто не заставляет.

Как и в предыдущих населенных пунктах, с высоты пригорка видны все строения. Рядом со староверческими дома-

ми красуются всевозможные – у каждого свой вкус – коттеджи. Завалившихся и полуразрушенных домов нет. Брошенные усадьбы тут же занимают горожане с достатком. На въезде – добротная туристическая база в виде большой деревянной гостиницы с многочисленными постройками рядом. Двор ухожен. Дорожки расчищены, тротуары проложены. Всюду чистота и порядок. На базе я не был, но уверен, что внутри помещений тоже созданы все условия для культурного отдыха людей.

Адмирал свернул вправо, предлагая следовать за ним. Осторожно проезжая мимо счастливо развалившихся в лужах поросят, важно прохаживающихся по улице гусей, уток, куриц и телят, мы подъехали к крепкому кедровому дому. Возле забора – старый, выдавший виды и дороги джип. Бородатый хозяин машины встречает нас широкой улыбкой. Адмирал остановился возле него, вышел, поздоровался крепким рукопожатием, о чем-то заговорил, кивая головой в мою сторону. Слушая Анатолия Николаевича, старовер внимательно смотрит в мою сторону, понимаю: разговор обо мне. Недолго пообщавшись, хозяин дома согласно кивнул головой. Адмирал тут же подошел ко мне довольный, поторопил:

– Я говорил, что тебя ждут сюрпризы! Доставай диктофон! Сейчас тебя ждет первый сюрприз.

Счастливая Наташа

Вступить в контакт со старообрядцами всегда достаточно сложно. А в моём состоянии – тем более. Я не был ни с кем-то знаком, и личное общение с людьми тайги казалось почти невозможным. Анатолий Николаевич решил эту проблему за меня, так как давно знал семью Олега Адамовича Романюка. Для меня новое знакомство с семьей староверов действительно стало сюрпризом. И как оказалось, двойным.

С той минуты, когда приехали сюда, мой брат Саша Казанцев взял обязанности моего помощника в свои крепкие, сильные руки. Когда Адмирал скомандовал выгружаться, Саша тут же достал из багажника «Окушки» инвалидную коляску, подкатил к дверце и помог мне на неё пересесть. Я сунул в карман диктофон (он у меня готов к работе всегда), с помощью Саши подъехал к воротам. Хозяин дома Олег и его супруга Валентина в окружении своих детей смотрели на мои действия, о чем-то негромко переговариваясь с моими спутниками.

Познакомились. Олег оказался истинным представителем старой веры. Строгий, скромный, с пышной густой бородой, хозяин дома мало говорил, больше делал. От каждого его слова вокруг образовывались какие-то действия: дети слушались отца без лишних эмоций. Более разговорчивая, с добродушной улыбкой хозяйка дома Валентина любезно

приглашала в ограду:

– Пожалуйста, проходите... Она у нас здесь, на крыльчке в теньке сидит. Можете разговаривать, сколько хотите. Правда, нам сейчас некогда, извините, мы уезжаем по делам... А Наташа остается дома. Так что можете общаться!

Ничего не понимая, я с удивлением посмотрел на Анатолия Николаевича. Адмирал хитро улыбался. Я думал, что в мои планы входила беседа с хозяином дома, но он уезжал... Так с кем же меня хотели познакомить?!

Дети предусмотрительно открыли ворота, убрали с дороги какие-то ящики, ведра. Саша осторожно протолкнул коляску во двор, провез меня в указанном направлении к крыльцу летней времянки. Увидев её, я на какое-то время растерялся, не зная, что сказать в знак приветствия.

Она сидела на раскинутом одеяле в тени пристройки. Взгляд глубоких коричневых глаз выражал растерянность: девушка тоже не ожидала встречи со мной. Мое появление на коляске в окружении незнакомой свиты тоже смутило её. Однако не настолько, чтобы испугаться и замкнуться, не сказав ни единого слова.

– Вот здесь, на свежем воздухе, она все лето у нас и сидит! – говорила Валентина, представляя свою крестную дочь. – Но вы не думайте, что всё только так... Она у нас шьет, пишет, рисует, помогает нам, чем может, по хозяйству.

Мое состояние равнялось «нулю». В этом путешествии отношение нормальных, здоровых людей было ко мне, как

к равному, и я забыл, что сам являюсь инвалидом-колясочником.

Своевременная помощь моих спутников в передвижении и свободное общение густыми красками затушевали собственную проблему. В этом путешествии в края, где основное внимание людей направлено на выживание в суровых условиях, я отключился от реалий и воспринимал все как само собой разумеющееся. От радости, что мои мечты сбывались, я словно парил в облаках. И мне казалось, что все живы и здоровы, а здесь не может быть людей с ограниченными физическими возможностями. И как глубоко ошибся!

Когда увидел ее, вернулся на грешную землю. Словно обжегся о пруток каленого железа. Увидел, что и среди старообрядцев есть инвалиды, которые даже не могут протянуть тебе руку для приветствия, потому что нет рук и ног от рождения!

Мои спутники, не желая терять времени, после строгой команды Адмирала втроем поторопились на берег. Надо было столкнуть на воду лодку, уложить груз, повесить лодочный мотор. В этот день мы решили подняться по Казыру до Верхней Тридцатки. Олег и Валентина тоже уехали. Мы с моей новой знакомой остались одни в окружении неугомонных детей.

Маленькая (без ног и рук) фигура и юное, чистое, приятное лицо восточного типа выказывали в моей собеседнице девочку 13—15 лет. Но как потом оказалось, я ошибался. Не

зная, как и с чего начать разговор, я представился, объяснил цель своего визита, спросил, как ее зовут.

– Меня зовут Наташа! – негромким, явно волнующимся голосом ответила она и улыбнулась по-детски приятной, милой улыбкой. – Вот, живу с лёлей, братьями и сестрой.

Ее слова удивили. Я думал, что Олег и Валентина – отец и мать Наташи. Оказалось, что это не так. Валентина – родная сестра мамы Наташи, и взяла инициативу опекуна над девочкой из личных побуждений. Об этом узнал из рассказа Наташи.

– Моя фамилия Гончаренко. Я родилась в Туве 9 мая 1987 года. Мне 23 года. Когда мне было две недели, меня сдали в дом инвалидов... где я находилась до трех лет. Потом бабушка и дедушка меня забрали оттуда к себе, в Курагино. Дедушка и бабушка были очень хорошие, любили меня. Наверное, я с ними жила бы до сих пор, если бы они не умерли. Дедушка умер в 2003 году, бабушка – через два года. После смерти бабушки лёля меня забрала к себе. Вот с 2005 года я живу здесь.

Вся её биография уложилась в один абзац. Но поверхностное знакомство говорило о многом. Я не стал задавать вопросы личного характера о родителях Наташи. Это ни к чему, да и незачем. В жизни много подобных ситуаций, когда родители оставляют своих детей. Бог им судья! Важно другое. Отношение к судьбе девочки других родных по крови людей, бабушки и дедушки, которые в преклонном возрасте

решились забрать из дома инвалидов свою внучку. Глубоким уважением проникся к Олегу и Валентине Романюк, воспитывающих своих троих детей, решивших взять племянницу-инвалида жить к себе. Вот такие они, старообрядцы! Твердые характером. Добрые и справедливые сердцем. Чистые душой.

В прежних поисках людей с ограниченными физическими возможностями мне приходится встречаться со многими инвалидами. Ни для кого не секрет, что человек, попавший в трудную ситуацию, став не таким, как все, падает духом, убивает себя вином или просто складывает руки: «Что теперь? Все равно...» Одни лежат на диване, протирая до дыр, глядя в телевизор. Другие просят помощи, ходят с протянутой рукой. Бывают случаи, когда кто-то накладывает на себя руки. Непросто выбраться из этой ямы. Еще тяжелее начать новую жизнь. Сложно противостоять судьбе, упасть в грязь, набраться силы и терпения, воспитать в себе волю и стать востребованным в обществе. Никто не знает, что будет с тобой завтра. Как выдерживают такие испытания разные люди, как находят себе занятия – тема моих поисков. Поэтому к Наташе обратился с подобным вопросом.

– Чем занимаюсь? – просто переспросила она. – У меня много занятий! Я люблю читать, рисовать, шить. Пишу стихи.

В моих руках тут же оказалось стопка тетрадей литературных творений Наташи. Я стал с интересом читать стихо-

творные мысли человека, наблюдающего мир вокруг себя. Поверьте, они значительно отличались от замысленных рифм многих современных поэтов, вроде бы знающих жизнь. В связи с ограниченностью общения с мирскими, «людьми с ветру», я не могу предоставить на суд читателя полное изложение работ Наташи. Лишь вкратце процитирую и тем самым представлю чувства человека, терпеливо переживающего долгую суровую сибирскую зиму, сидя на кровати. Вот отдельные строки, которыми она описывает состояние природы: «...бьется, трепещет за окном снежинка», «растет, удлиняясь от весенних солнечных лучей сосулька», «появляется на первой проталине первый зеленый росточек», «гремит, высвобождаясь из-под льда река». А как радуется Наташа, когда над окошком «щебечет старая знакомая ласточка», «ползет по листику божья коровка», а рано утром, на восходе солнышка «плачет прозрачной слезинкой ночная роса».

Вся жизнь Наташи проходит в замкнутом пространстве: дом и крыльцо, на котором она проводит время летом. Но как тонко подмечает все явления природы!

Я спросил о мечте. Ответила просто:

– Дождаться, когда придет лето! Лето – это моя мечта! Летом я постоянно сижу во дворе. Меня часто вывозят на природу. Иногда случается купаться: надевают спасательный жилет и отпускают в воду. В воде хорошо, тепло и уютно. Бывают случаи, когда мои крестные родители берут меня с

собой в город. Один раз даже была в городе Красноярске! – улыбается. – Лёля Валя относится ко мне очень хорошо. Все, что я ни попрошу, она выполняет тут же. Ухаживает за мной: переодевает, моет, стирает, заплетает косу.

Коса у Наташи действительно завидная! Как смоль волосы туго заплетены до пояса в аккуратную «змею» с бантиком. Надо отдать дань уважения Валентине, с какой любовью, терпением она каждое утро заплетает ей волосы.

– Своих родителей я очень люблю! – искренне продолжала Наташа, не смея вставить дополнение «приемных». – Особенно люблю и уважаю лёлю Валу. Потому что она – моя крестная мама, она за меня отвечает. Это все равно что родная мама. Однажды, когда я еще жила в Курагино, она приехала, забрала меня к себе на недельку. Неделька затянулась на год. В итоге я живу у нее уже пять лет. Знаю, что, кроме лёли, я никому не нужна. Меня любят, не обижают. Мои братики и сестренка во всем мне помогают. Мне здесь очень хорошо!

– Как ты проводишь зимние дни? Чем занимаешься? – прерывая непродолжительную паузу, спросил я.

– Как это чем? – вскинув густые брови, удивилась Наташа. – Занятий много, времени не хватает. Чем могу, помогаю лёле. Я рисую, пишу, читаю, вышиваю.

– Чем?!

– Ртом. Научилась, привыкла.

И в подтверждение своих слов стала перелистывать стра-

ницы лежавшей рядом книги кончиком носа и языком. Получалось ловко.

– В минуты отдыха смотришь телевизор? Что любишь смотреть? – продолжал интересоваться я.

– А у нас нет телевизора, – просто ответила Наташа, чем поставила меня на место. Я забыл, что во многих семьях старообрядцев нет голубых экранов. Телевизор для староверов считается дьявольским искушением, которое разрушает чистоту помыслов и душу.

– У нас в деревне телевизор там, – махнула головой в конец поселка, – на базе отдыха. Мы иногда ходим туда, когда узнаем, что будет хорошее кино про войну, подразумевается Великая Отечественная война, или сказка.

– Как же вы проводите долгие зимние вечера?!

– Сидим вместе, разговариваем. Играем в детские игры. Читаем, пока есть свет. Мне лёля выписывает газеты и журналы на почте.

– У вас отключают на ночь электричество?!

– Да. Свет у нас не всегда. Только тогда, когда заряжены батареи. Батареи разряжаются, мы относим их на базу отдыха, там подзаряжаем от генератора и снова включаем.

Так я узнал, что в Нижней Тридцатке нет проходящей высоковольтной линии электропередачи. Ее не провели во времена всеобщей электрификации в Советском Союзе не потому, что не хватило столбов и проводов, а оттого, что староверы категорически отказывались пользоваться электри-

чеством и электроприборами.

Моё удивлённое лицо не произвело на Наташу какого-то впечатления. Вероятно, она видела подобное у «людей с ветру» много раз. А отсутствие иногда в деревне света воспринимала как само собой разумеющееся явление.

Я почувствовал, что наступил момент, когда можно поделиться с ней планами. И рассказал о желании написать книгу об инвалидах, не о моральных уродах с руками и ногами, кто, сетуя на плохую жизнь, собирает по помойкам бутылки, или о колясочниках, которые к десяти часам утра после возлияния спиртного падают с инвалидных кресел... Мой рассказ должен приоткрыть малоизвестные стороны жизни людей с ограниченными возможностями, которые, оказавшись в критической ситуации, стремятся достойно выжить, чего бы это ни стоило. Что мне ответила Наташа по этому поводу, я записал дословно.

– Я не прошу у Бога милости. И не унываю. Я себя не считаю инвалидом. Знаю, есть такие инвалиды, кто просто сидит без дела. А я постоянно стараюсь за жизнь держаться всеми силами, как могу. Каждый день для себя я что-то придумываю новое. Вот, например, кроме того, что помогаю лёле, я праздную свое Рождество. К этому дню специально подготавливаю, рисую, вырезаю кукол, наклеиваю их на бумагу, составляю программу. В моем мире есть принцессы, короли, простые люди, которые ходят друг к другу в гости, веселятся, играют. Вот так я провожу праздник. Люблю со-

чинять стихи, песенки. На это уходит много времени, и мне никогда не скучно одной. Я себя считаю самой счастливой, потому что у меня все есть!

Во время нашей непродолжительной, приблизительно около получаса беседы, я рассматривал Наташины рисунки, читал ее стихи, песни. Она то и дело подсказывала мне даты и события, чему были посвящены ее по-детски простые, но в то же время мудрые, на мой взгляд, творения. Некоторые из них относились к религиозным датам и многочисленным (у староверов) постам. В связи с этим я поинтересовался о её отношении к Богу.

– Бог есть! Я в это верю! Это он дает мне силы и дух для жизни. Я люблю благодарить Бога за все его благости в молитвах. Я постую (соблюдаю пост. – *Авт.*) с трех лет. Особенно мне нравится обедня. Сегодня (а это было 7 июля) – Иван Купала, тоже большой праздник. По-нашему – Иоан Креститель. Поэтому мы все рады этому событию.

Хлопнули ворота. За мной пришел Саша: пора отправляться в дорогу. Увидев рисунки, Саша тоже заинтересовался творчеством Наташи. Он тут же предложил показать ее работы в Минусинском доме детского творчества. Мы договорились, что под свою ответственность возьмем рисунки на обратном пути, когда будем возвращаться из тайги. Тепло, теперь уже по-дружески попрощавшись с Наташей, мы выкатились на улицу и поспешили на берег, где нас ждали наши товарищи.

Забегая вперед на несколько дней, расскажу о результате нашего предложения. Когда мы вышли из тайги, Саша забежал к Наташе за рисунками и... вернулся назад с пустыми руками. Я не удивился тому, что она не дала их на всеобщее обозрение. Староверы народ скрытный, тяжело расстаются со всем, что их окружает. В связи с этим, к сожалению, у меня никогда не будет фотографии Наташи. Её вера не позволяет сделать снимок.

Адмиральская заимка

Дальнейший отрезок пути нашего путешествия лежал вверх по реке Казыр. Староверческий поселок Нижняя Тридцатка – последняя точка, куда можно добраться на машине. Дальше дороги нет. До метеостанции «Казыр», или заимки Верхняя Тридцатка, – восемь километров. Сообщение между ними летом – по воде на лодках, зимой – на снегоходах или лыжах. Свою «Окушку» я оставил возле дома Олега Романюка. На случай дождя поднял в машине стекла. Замыкать двери не имеет смысла, все равно никто не полезет. Староверы – народ честный, соблазна к чужому добру не имеют, заповедь «не укради» прививается с младенчества. Быстро собрав в машине вещи, Саша покатыл меня по улице на берег.

От дома Олега Романюка до лежбища лодок – около трехсот метров. Добраться туда с Сашей «своим ходом» нам не составило большого труда. Лодка Адмирала среди прочих лежит – хранится до приезда хозяина – ниже поселка на высоком десятиметровом яру, где ее не достает паводковая вода. Сверху к воде мужики сделали специальный спуск. По этому спуску лодки свозят (или завозят) на лежбище на прицепе, цепляя его к какой-нибудь машине. Прицеп оставляют тут же, возле лодок. Желательно, чтобы транспорт был высокопроходимым, так как простые машины, спустившись к

воде, назад не поднимутся.

За то время, пока я беседовал с Наташей, мои спутники спустили лодку на воду, загрузили ее необходимыми вещами, подвесили мотор и только ждали моего появления. Всё было готово к отплытию.

Лодка у Анатолия Николаевича Глимазенко самодельная, сделана староверами из оцинкованного 1,2 миллиметра толщиной железа. Ее длина достигает девяти метров. Ширина один метр и двадцать сантиметров. Такие лодки делают сибиряки специально для бурных таёжных рек. Размеры лодок определены богатым опытом промысловиков. Узкие лодки легко идут «на ход» под мотором, а также ловко маневрируют между камнями в шиверах, порогах и перекатах. Длина тоже выверена, имеет большое значение. При восьми-девяти метрах лодка уверенно «стоит» на струе и хорошо «ловит волну» (в данном случае вал). Перепрыгивая с вала на вал, лодка не зарывается носом (не заныривает), поэтому держит стабильную, постоянную скорость, которая в некоторых случаях ох как дорога!

Все эти параметры и их необходимость знаю точно. В свое время (до травмы) у меня была точно такая же лодка с навесным мотором «Вихрь-30», которую я делал своими руками с товарищем Колей Ершовым. По «нашей реке» – Шинде – моя лодка ходила неплохо, ловко сквозила между камнями, хорошо «прыгала» с вала на вал и не раз, благодаря устойчивости и послушанию, спасала от топляков – затонувших

деревьев и подводных камней. Грузоподъемность такой лодки 500—700 килограммов. Мне самому приходилось сплавлять четверых человек с их скарбом и добытым, уже разделанным трехлетним сохатым. И эти размеры – далеко не предел. Промысловики делают лодки еще длиннее и шире, до 12 метров, а потом плавят на них снегоходы, бензин и продукты на соболевку.

Когда мы подкатились к берегу, мне было готово место в лодке рядом с Виктором Николаевичем. Перескочить с коляски в лодку не составило труда. Через три секунды я сидел в лодке, и Адмирал застегивал на мне спасательный жилет. Саша сложил коляску пополам и положил рядом со мной. Когда все было готово, я, как «поплавок в широкополой шляпе-сомбреро», зацепился руками за борта лодки. Генерал сел рядом со мной. Адмирал встал в корму на место лоцмана, с короткого рывка стартера завел мотор. Саша оттолкнул нос на воду, в последний момент запрыгнул сам. Мотор дрогнул включенной скоростью. Лодка, резко набрав ход, подалась вверх по течению реки. Пошли!

Лодочный мотор у Адмирала – отличный! Японский, «Тохацу-25». Мечта любого промысловика-таёжника. Я сразу обратил на него внимание. Пятнадцать лет назад, когда я ходил в тайгу за соболем, идеалом передвижения по сибирским рекам считался «Вихрь-30». О «япошках» тогда знали только понаслышке. Теперь же мне представился случай не только увидеть его, но и оценить в работе. Скажу сразу, что

различие между «Вихрем» и «Тохацу» значимое! Двигатель работает чисто, глубоко, мягко, тихо, уверенно, без сколов, рывков и вибрации, какие постоянно бывают у «Вихрей» при неправильно отлитом на заводе винте. Чувствуется мощь мотора, постоянное зацепление с потоком воды. В то время как «Вихрь» орет, как сто недорезанных поросят, бубнит и постоянно прохватывает воздух, «Тохацу» работает ровно, используя весь КПД для продвижения вперед. Не скажу, что «японец» толкает лодку быстрее, чем «Вихрь». Вероятно, скорость передвижения одинакова. Но если учесть, что «Тохацу» «кушает» бензина в полтора раза меньше, чем наш советский «проглот-тридцатка», есть над чем поразмыслить при выборе лодочного мотора в магазине.

Мы отошли от берега на расстояние около ста метров. Оценивая «Тохацу», поражаясь работе мотора, я поднял вверх большой палец.

– Да уж! Умеют узкоглазые! – подтвердил Адмирал и добавил газу так, что меня вжало в сиденье.

Последний раз на лодке меня возили восемь лет назад. Тогда с Сашей Казанцевым и братьями мы ходили по реке Шинде до Тугурсука, где у меня когда-то находился охотничий участок. Дело было в августе, в «малую воду», как у нас говорят, когда все камни в реке наголе. Саше приходилось толкать лодку шестом на мелких перекатах, тащить её на веревке вверх. А ещё – носить меня на спине от лодки к избушкам и обратно. Поэтому, когда Адмирал предложил поехать

в это путешествие, у меня не было ни малейшего сомнения, кто поедет со мной в паре.

Сравнивая Шинду и Казыр, сразу нахожу явные различия в реках. Вода в Казыре плотнее, гуще, давление гораздо больше, чем у малых горных рек. Ширина Казыра у Нижней Тридцатки достигает ста пятидесяти метров, а в разливах и между островами и того больше. Для сравнения замечу, что Шинда в среднем ее течении не превышает ста метров.

Пока мы шли неподалеку от берега вдоль деревни, местные мальчишки 12—15 лет на «казанке», ревя мотором, нагоняли на нас волну. Когда какая-то наиболее высокая волна, ударяясь о борт нашей «субмарины», обдавала нас брызгами, ребятишки радовались. Но мы только улыбались, понимая их шалость. В городе пацаны гоняют на скутерах и мопедах, создавая помехи пешеходам и водителям. Эти здесь, на своей территории, тоже не упускают случая подшутить над «людьми с ветру». Вот уж действительно, дети всегда остаются детьми.

Широкая пойма Казыра изобилует поворотами и многочисленными легкопроходимыми на моторной лодке перекатами. Густая темнохвойная тайга подступает к самым берегам. Относительно невысокие, до нескольких сотен метров горы подступают к берегам и отдаляются в стороны, уступая место обширному, заросшему густыми кедрами займищу. За тысячелетия своего существования Казыр неоднократно менял свое русло, в результате чего древнее займище изреза-

но многочисленными старицами (старыми руслами). Некоторые из них образовали небольшие озера с проточной водой, в которых водится рыба. Местные мужики удачно используют их для рыбалки, но всё же основным местом для рыболовства является река.

Рыбаков в это время на Казыре много. На каждом повороте встречаются люди, сплавляющиеся вниз по течению на резиновых лодках с удочками в руках. Как правило, это городские дилетанты, заброшенные местными мужиками вверх на некоторое расстояние и теперь неторопливо, с ночевками у костра спускающиеся до Гуляевского порога и ниже. За все время пути до метеостанции мы встретили всего лишь одну «длинномерку». Проплывая вниз по течению мимо нас, бородатые мужики приветственно подняли руки. Это значило, что местные знают Адмирала и принимают его за своего. Анатолий Николаевич тоже был рад вниманию и пояснил:

– Это Ванька... с сыном. Наверное, в верха, до Базыбая ходили.

Из его слов следовало, что староверы, рыбаки и охотники, ходят за рыбой и зверем от своего дома за десятки километров, считая возню с удочкой возле посёлка непродуктивной.

Над длинным плесом протянулась вдали тонкая паутина. Когда мы подошли ближе, я рассмотрел перекинутый с берега на берег привязанный к кедром на определенной высоте двухсантиметровый трос.

– Здесь Витя Баяндин воду замеряет! – пояснил Адмирал.

Нам стало понятно, что до метеостанции подать рукой. Очень скоро в подтверждение предположениям напахнуло дымом.

– Саша! Приготовь фотоаппарат! Когда будем подходить, сфотографируй мой домик! – попросил Анатолий Николаевич.

Все это время Саша, занимавший свое законное место в носу лодки, сунул руку в свой вещмешок, достал «цифровик», приготовился снимать. Адмирал поддал газу «Тохацу»: надо подойти к поселку с шиком! Пусть знают, кто приехал! Лодка взлетела как глиссер. Кедровые леса на берегах рысью побежали вниз. Из-за поворота на правом берегу Казыра показалась скала, большая яма с тихой, спокойной заводью у берега, несколько лодок под моторами. Над заводью на высоком яру среди густых кедров приютились несколько новых и старых деревянных домов: Верхняя Тридцатка! Саша торопливо щелкал фотоаппаратом.

Первозданная красота дикого уголка тайги, где когда-то приютилась метеостанция, доставляет удовольствие любому впечатлительному человеку. Заросшие густым лесом горы. Извивающийся темным змеем Казыр. Высокоствольные, в моховых верхушках кедровые исполины. Густые заросли тальника, облепившие прибрежную зону. Густая, в рост человека трава-дурнина на открытых местах. Разрозненные, поставленные в удобных местах дома и хозяйственные постройки создают некую иллюзию сказочного мира, в котором нет ме-

ста сумбурной суматохе и неразберихе. Мне показалось, что я когда-то здесь уже был, видел этот дикий, но уютный уголок – пристанище таёжников. Или это только показалось?

От заросшего густым тальником берега навстречу воде тянется длинная, намытая мелким галечником коса. Она защищает от стремительного потока тихую, спокойную заводь-курью, в которой местные жители оставляют свои лодки. Умело выравнивая мотором лодку на струе, Адмирал осторожно направляет нашу «субмарину» к крутому берегу, на котором стоит его небольшой домик. Врезавшись в тишину курьи, резко тормозит. Перед носом лодки, с шумом взбалтывая ногами воду, через заводь плывет десятилетний мальчик. На груди – спасательный жилет. Из одежды – только трусы. Вода в Казыре не теплее десяти градусов. Переплыв двадцатиметровую заводь, пацан резво выскакивает из воды на косу, улыбаясь, приветственно машет нам руками. Губы у мальчонки синие. Тело в «гусиных пупырышках». Мы с ужасом смотрим на местного Маугли.

– Серега! Ты что делаешь?! – нарочито сердится Адмирал.

– Купаюсь! – весело отвечает мальчик и опять бросается в воду.

– Вода холодная!.. Ноги судорогой сведет!..

– Да нет, – проплывая мимо нашего борта, равнодушно отвечает тот. – Это вчера была холодная. А сегодня уже тёплая!

Пропустив Сережу вперед, подталкивая лодку шестами,

мы неторопливо правим к берегу. Добравшись до земли впереди нас, Сережа живо выскакивает из воды, принимает веревку от лодки, проворно заматывает ее за корягу.

– Где дед? – спрашивает Анатолий Николаевич.

– Деда Витя вас ждал-ждал с самого утра. Устал ждать.

Спать лег, – просто говорит Сережа, с интересом рассматривая нашу компанию, особенно мою коляску в лодке. Очевидно, что инвалидов у них на заимке ещё не было никогда.

– А бабушка?

– Баба Таня на кухне варит.

Оказывается, здесь нас уже ждали, готовились. Несколько дней назад Адмирал связался с Верхней Тридцаткой по радиации, предупредил хозяев о нашем приезде, но нам (и мне) об этом не сказал, решив уготовить данное обстоятельство в виде очередного сюрприза.

– Беги, буди деда! Скажи, что гости приехали, пусть баню топят! – с улыбкой просит Анатолий Николаевич Сережу. Тот, не задерживаясь, бежит в горку домой.

Пока никого нет, думаем, что делать дальше. Адмирал решительно настаивает подняться к нему в домик. Генерал предлагает подождать Виктора, когда тот спустится на мотоцикле на косу, чтобы меня не таскать на спине. Саше и мне ничего не остается, как ждать, чья команда возымеет действие: куда нам, «рядовым», супротив «генеральских звезд»? Пока Николаевичи решают, мы с братом отмахиваемся от туч комаров, мошек и паутов, которые смело атаковали нас

в твёрдом намерении испить свежей городской кровушки.

Домик Анатолия Николаевича стоит обособленно, вдалеке от метеостанции, на небольшом пригорке над курьей, куда мы и причалили. До него – не больше тридцати метров. Добраться до домика можно по крутой тропинке. К метеостанции, где живет семья Баяндиных, ведет вторая тропка. Метеостанция находится гораздо дальше. Если привозят по реке объёмный груз, Виктор заводит свой мотоцикл «Урал» с площадкой вместо люльки и по отдельной дорожке через покосы доставляет груз на базу. Как позже выяснилось, хозяин метеостанции так и хотел сделать: забрать меня с косы не составляло труда. Однако гостеприимность хозяина домика предопределили наши дальнейшие действия.

Пригорок меня смущает. Добраться на него – это всё равно, что оказаться в кузове восьмидесятитонного БелАЗа, нагруженного углем. Крутизна, заячьи ступеньки и пятнадцатиметровый уклон заставляют задуматься, как глубоко я нырну в курью, если Саша оступится и мы покатаемся вниз. Шуткой предлагаю мужикам подождать, когда вернётся Сережа в спасжилете:

– Кто меня будет вытаскивать?..»

– Да вы что?! Я тут с двумя канистрами бензина без приеста забегаяю! – выразительно настаивает Адмирал.

Для облегчения с меня снимают спасательный жилет, рубаху и шляпу. Саша тоже скидывает с себя штаны, куртку и рубаху, подсаживаясь на корточки под меня, просит «выс-

ший комсостав»:

– Вы с него (то есть с меня) комаров вовремя стряхивайте! Они тоже вес имеют!

Я крепко цепляюсь руками за Сашину шею. Поднимая меня, тот стонет:

– Не задуши по дороге!..

Поднял. Понес-таки! Шаг, другой, третий. Я стараюсь не смотреть назад: страшно! Лучше бы меня сразу за борт лодки выкинули. Генерал вслед вспоминает исторический факт времен Александра Македонского, приручившего дикого коня Буцефала. Адмирал спокойно напоминает путь:

– Саша, там тропка чуть левой уходит, в обход бугорка! По ней идите.

– Да уж... – дрожа подкашивающимися ногами, задыхаясь от натуги, свистит рвущимся дыханием Саша. – Знать бы еще, где эта тропка!..

Несколько раз мне казалось, что мы летим вниз, но Саша вовремя выправляет равновесие, и мы ползем дальше. Цепляясь руками за траву и коряги, я помогаю своему брату, чем могу. Может быть, это помогло нам преодолеть «мамаев курган» без синяков и царапин.

Выбравшись на пригорок, облегченно вздохнули: «Поднялись!» Вот он, домик, рядом, справа. До него около двадцати метров, дуй не стой. Но путь преграждает старый, гнилой, местами завалившийся забор. Перебраться через него со мной на спине Саше не представляется возможным. Нена-

долго задержавшись, вспоминаем тропку, ведущую в обход, о которой говорил Адмирал. Примятая трава указывает путь. Не раздумывая, Саша двигается в нужном направлении.

Трава высокая, достает Саше до плеч. Мне – до пояса, потому что я сижу на его спине. Одной рукой помогаю раздвигать густую траву, второй, по мере возможности, отгоняю кровососущих насекомых, радостно поднявшихся из травы на неожиданный обед. Тропа чавкает грязью. Маленький ручеек размесил почву в жижу. Сашины ноги вязнут по щиколотку. Ему тяжело. Я понимаю, что до домика мы не дотянем. Краем глаза замечаю, как слева, у метеостанции, Виктор Баяндин, приложив ладонь ко лбу, удивленно смотрит в нашу сторону. Вероятно, он не может понять, что это передвигается над травой. Я приветственно машу ему рукой. Саша теряет равновесие. Мы смачно опускаемся в болотную жижу. Перед самым падением Саша нащупывает рукой кочку, садит меня на нее. У самого не хватает сил на «посадку». Он, как есть, ложится боком в грязь: все равно, лишь бы отдышаться!

В стороне слышна переключка, по логу гуляет эхо:

– ...арр-рова!.. ...ррр-о-ова! Вы куда-а?! Домой-ой-ой!
А потто-о-ом к тебе-е-е! ...ааче-е-ем вы туды попе-е-е-ерлись?! Дого-о-ово-рились же ко мне!.. ...а-а-аню кочегарь!
Скоро бу-у-удем! ...а вы што да се... почаа-аму не слушаетесь?!

Сквозь траву видно, как хозяин метеостанции Витя Баяндин, в одних штанах, подперев бока руками, недовольно переговаривается с нашими начальниками. Он хотел заводить мотоцикл «Урал», ехать на берег за нами, но увидев, как мы с Сашей завалились в ручей, переключился на Николаевичей, почему они нарушили условие:

– Договорились так, а они делают вот эдак!

Мы с Сашей молчим. Нам своих генералов хватает. Тут еще третий «погоны на плечах рвет». Подбадривая друг друга, отряхиваем грязь. Я вытираю с его плеча тину. Он вытаскивает из жижи мои, увязшие по щиколотки ноги в кроссовках:

– Осторожно, промокнут!

Полежали в болотце. Отдохнули. Саша отдышался, опять подсаживается под меня:

– Садись, сейчас точно дойдем! Немного осталось!

Я ухватился руками за его плечи. Он попытался приподняться: не получается. Сашины ноги вязнут в грязи как у сохатого. А меня кочка не отпускает... Что делать? Как меня в домик доставить?!

Тут, раздвигая траву котомками, от реки появился Анатолий Николаевич. Увидев нас в траве, измазанных в болотной жиже, Адмирал задал наводящий вопрос:

– А вы что тут делаете?!

– Дык... вот... кузнечиков ловим! – нашелся я, но Адмирал и так понял, что случилось.

Стал помогать меня Саше на спину подсаживать, но и тут ничего хорошего не получилось. Только еще сильнее траву на болотце измяли, падая и спотыкаясь. Пришлось Саше идти к лодке за коляской. Когда коляска оказалась рядом, я сам смог на неё взобраться. На этом наши с Сашей «болотные приключения» закончились. Не больше чем через минуту в своем кресле я уже был на веранде домика Анатолия Николаевича.

Великолепный вид уголка сибирской тайги, открывшийся с площадки адмиральского «мезонина», заморозил. Место для постройки выбрано удачно. Первый хозяин, заложивший нижние венцы, любил природу, понимал её красоту. Отсюда хорошо видны: километровый кусок Казыра, большая яма с водоворотом, направляющим струю воды обратно под скалу; узкая курья с моторными лодками; песчаная коса с мелким галечником, по которой Витя Баяндин катается на своем «Урале»; обширная пойма с густыми высокоствольными кедрами; широкие покосы с вертолетной площадкой; метеостанция со всеми ее постройками; на другой стороне реки – горы, сдавливающие в тиски эти красивые места. Проплывающая лодка, зверь или человек не останутся незамеченными. Возможно, когда-то на этом месте находился наблюдательный пункт пограничников, стоявших здесь до 1944 года. Сейчас мало кто знает, что когда-то по Казыру проходила граница с Тувой, а пограничная застава, охранявшая данный участок, числилась под номером 30. После присоединения

Тувы к Советскому Союзу пограничники ушли, а название осталось и сохранилось до наших дней – Верхняя Тридцатка.

Если окунуться в историю ещё глубже, в конец XVIII – начало XX века, можно узнать, что здесь, через Саяны, проходили конные тропы, соединявшие Сибирь с Китаем. Ежегодно китайские купцы прибывали сюда за золотом, которое выменивали у местных старателей-бергало на продукты, товары и спирт. Связующие тропы в простонародье именовались «спиртоносными». Сколько купцов-спиртоносов и простых старателей погибло из-за золота от разбойничьих рук, знает только тайга. Сейчас не буду вдаваться в подробности событий далёких лет, оставляю их для страниц будущих книг и вернусь на веранду, куда наконец-то меня затащили мужики.

Для данной местности домик имеет все, что необходимо человеку в любое время года. Кроме вышеупомянутой веранды пристроены большие, для хозяйственных нужд сени и кладовка. Стены дома рублены из круглого леса. Пазы и углы подогнаны плотно – нож не пролезет, – чтобы зимой тепло сохранялось как можно дольше. Внутри изба, а длина её пять метров, ширина четыре, разделена на две половины: кухню и комнату. Посреди кухни – средних размеров кирпичная русская печь, в которой, как и во всех домах Верхней Тридцатки, пекут свой хлеб. В избе три окна. Первое – на кухне, смотрит на юг, на Казыр. Два других обращены на запад. О таких домах говорят: «С утра до вечера солнышко катает-

ся!» Куда ни посмотришь – тайга и простор. Чистый, свежий воздух! И я вспомнил третью поговорку бабушки Матрены: «Дышать не тесно!»

Бабушка Матрена в моём понимании образ собирательный. Так в глухих таежных поселках говорят все старушки. О том, что экология в этих краях не нарушена, говорит такой факт: здесь живут скворцы! Везде, где бы я ни побывал, видел обжитые этими славными перелётными птицами скворечники: в Черемшанке, в Жаровске, на Нижней Тридцатке, и здесь они тоже есть. В Курагинском районе (Ольховка, Чибижек) скворцы тоже когда-то жили, до тех пор, пока не построили Саяногорский алюминиевый завод. После первого выброса «желто-зеленой пылицы» свернулась картошка, завяли травы, куда-то разом в одно лето исчезли зайцы, глухари, рябчики, передохла половина поголовья маралов в тайге. И навсегда опустели наши скворечники. Позже я читал в научной литературе, что скворцы являются самыми чуткими птицами, не живут в экологически грязной обстановке.

Во времена существования метеостанции в этом домике (в каком?) жила какая-то семья рабочих. Недавняя перестройка коснулась и комплекса метеостанции «Казыр». Рабочим построили новые дома, расположенные вблизи места основной работы. Домик на обрыве несколько лет стоял пустым. Летом, с разрешения Вити Баяндина, в него иногда вселялись туристы. Зимой стужа вымораживала пустые стены. Неизвестно, что с ним случилось бы, вероятно, раздавило

бы снегом или работники метеостанции разобрали на дрова, если бы не предусмотрительность Анатолия Николаевича. Он купил бесхозный домик за символическую цену.

Как настоящий хозяин Адмирал взялся за ремонт разумно. Первым делом перекрыл крышу, потом заменил нижние венцы сгнивших стен. Шикарные диваны облагородили помещение. Запасы продуктов и вещи первой необходимости заняли места в шкафу на стене и в плотном, недоступном для мышей пластиковом бочонке. Когда я заехал на коляске на кухню, хозяин дома радушно пригласил всех к столу, а сам стал проверять свои запасы.

– Так-с, сейчас посмотрим, что у меня тут есть! – приговаривал Адмирал, доставая из бочонка консервы с закусками, тушенку и прочие деликатесы.

На мой взгляд, запасов провизии у него было не меньше чем на месяц. А когда из шкафчика появились коньяк и кедровая настойка, я сделал вывод, что Анатолию Николаевичу здесь очень даже неплохо.

Пока мы пробовали консервированного лосося, китайскую ветчину и намазанную на хлеб черную икру, Адмирал степенно строил свои планы на будущее:

– Печку заменяю – дымит! Поставлю новую, обложу камнями, чтобы дольше держала тепло зимой. Завалинки утеплию пенопро... (я это слово до сих пор повторить не могу). Стены обошью утеплителем от ветра.

– Вы что, Анатолий Николаевич, жить тут собираетесь?! –

спросил Саша, в отличие от меня всегда обращавшийся к «высшему комсоставу» на вы. В его понимании, культура общения – долг уважения. Я же привык по-простому, следуя принципу: «В бане, в данном случае в путешествии, все равны!» Но так только в тайге, а в городе, конечно, всё по-другому.

– Жить, не жить, а зимой сюда навещиваюсь! – просто ответил Адмирал и стал рассказывать о зимней рыбалке.

Оказалось, Анатолий Николаевич приезжает сюда зимой на снегоходе: таежная кровь не дает покоя! И какая здесь красота неповторимая – тоже поведал. В итоге тут же пригласил меня сюда в январе, что меня просто шокировало! На лодке возили. На спине таскали. В болоте топили. Осталось только со снегохода на ходу по дороге в сорокаградусный мороз потерять, и будет полный порядок! И все же пообещал, что подумаю.

Какие здесь условия жизни и природа зимой, я мог себе представить реально. Сам в прошлом – человек тайги: родился и вырос в небольшом поселке, где снег валит лопухами и достигает в высоту до двух метров, а от морозов лопаются стекла. Тайга в Чибижеке – за огородами. Всю зиму главным средством передвижения были широкие камусные лыжи. Снегохода, конечно, не было, и что такое преодолеть расстояние в сорок километров за короткий световой день, я знаю не понаслышке. Поэтому прекрасно понимаю условия и образ жизни жителей Верхней Тридцатки, постоянно про-

тивоборствующих суровым климатическим условиям. Если учесть, что до ближайшей больницы в Курагино сто пятьдесят километров, можно с уверенностью сказать, что люди здесь живут ежедневным подвигом.

Пришел Витя Баяндин. Одет по-простому, по-домашнему. На ногах резиновые сапоги, рубашка с короткими рукавами: «своих» комары не кусают. Его движения точны и уверенны, ничего лишнего. Поведение Виктора похоже на реакцию соболя, такого же быстрого и в то же время аккуратного. Поздоровавшись с каждым, начальник «медвежьего уголка» отчитал нас:

– Вы что сюда поперлись?! Мы же вас там, дома, ждем! Татьяна уже на стол накрывает! Договаривались по связи, что сразу к нам!..

Наши отцы-командиры что-то объясняют ему по поводу единения с природой, что хотели остановиться у себя. Виктор недовольно хмурит брови, становится понятным, что самлюбие бывалого таёжника, с радостью ожидавшего гостей—друзей ущемлено. После непродолжительных переговоров приходим к соглашению: через час, максимум через два мы прибудем к Баяндиным, где уже топится баня, а стол ломится от таёжных яств. На этот вариант Витя согласился с большой неохотой, да и то потому, что ему надо срочно сходиться на лодке на Нижнюю Тридцатку по какому-то важному делу.

Пообщавшись еще несколько минут, наша компания раз-

делилась. Виктор поспешил домой. Генерал последовал за ним – поздороваться с хозяйкой и сыном. Мой брат Саша, за всё время не проронивший ни слова, склонил уставшую голову на подушку дивана. Двое суток непрерывной работы, мои семьдесят килограммов и болотная возня измотали парня вконец. Мы понимаем его состояние, укладываем, накрываем одеялом и оставляем в покое.

Оставшись с Анатолием Николаевичем вдвоем, решаем перебраться на улицу, на веранду, где «дышать не тесно». Любуясь природой, я начинаю войну с тучами мошек, тут же поднявшихся из высокой травы. Неугомонный Адмирал ходит по двору, собирает палки, сгнившие доски, камни, убирает их в определенное место. Настоящий хозяин! При этом что-то объясняет, рассказывает разные случаи:

– Весной, когда по реке идет ледоход, с верхов вода приносит погибших зимой маралов, – показывает на водоворот в яме, – и потом долго крутит их тут.

Я представляю ужасную картину, когда зверь, провалившись в отпарину, погибает, затянутый стремительным течением под лед. Мой друг Вася Мясников видел однажды подобное и рассказывал мне, как по льду реки Шинды росомаха гнала маралуху. Последняя, спасаясь бегством, провалилась в промоину. Вот так же несколько лет назад погиб профессиональный охотник из Кордово Андрей Хрущев. Возвращаясь по льду реки Казыр домой в декабре, молодой тридцатидвухлетний парень не дотянул до избушки пятьсот

метров. На следующий день мужики, ожидавшие его в зимовье, пошли навстречу пробить лыжню. А увидели его вчерашние вечерние следы, оборвавшиеся у подёрнутой льдом промоины.

– А вот эта скала, – Анатолий Николаевич показал на скалу рядом, – называется Райкин пуп.

– Райкин пуп?! – в удивлении переспросил я. – Почему так назвали?

– Не знаю, – пожимает плечами Адмирал. – Надо у Вити спросить.

Рассматриваю скалу, а воображение рисует свои картины. ...Когда-то здесь жила женщина-рыбачка по имени Раиса, ожидая своего мужа с рыбалки или с охоты, просиживала у окна дни и ночи. Подобная легенда бытует в Усть-Каспе на реке Казыр. Там есть утёс, названный именем Дарьи. Когда-то, возможно, до войны, женщина выходила на него, высматривая, появится или нет лодка мужа. Говорят, так и не дождалась. Потерялся охотник. Никто не знает, что с ним стало. Канул в неизвестность, как сотни других охотников, старателей-золотоискателей. Эх, матушка-Сибирь, синь-тайга неизмеренная! Сколько же в тебе костей человеческих закопано да голодным зверем изъедено!

Пока я пребывал в думках да любовался водоворотами Казыра, Анатолий Николаевич куда-то исчез. Прошло минут десять, когда он появился вновь... с литовкой в руках.

– Вот, сбегал на метеостанцию, попросил у Тани косу: на-

до немного траву положить! А то никакого порядка в моей ограде нет!

Мне было интересно видеть его в новой, неожиданной роли косаря. «Ну-ка, посмотрим, дорогой товарищ, на что вы способны!» – подумал я, ожидая увидеть городского дилетанта, и был приятно удивлен. Адмирал зашел в сарай: «Где-то у меня тут брусочек был», нашел точилку, заправски, как будто точил литовку на дню по сто раз, подправил косу и... пошел махать справа налево, будто всю жизнь на покосах пропадал!

Резво, без устали заложив прогонистую ручку (прокос), Анатолий Николаевич «отбил» траву у сарая, вернулся назад, сделал еще один десятиметровый прокос – и лишь после этого остановился, чтобы посмотреть жало на литовке.

– Ну, Николаевич!.. Молодец! Слов нет... не ожидал! – не скрывая восхищения его работой, похвалил я. – Молодого косаря за пояс заткнешь!

– А ты что, друг мой, думал, что я всю жизнь в колхозе парторгом работал?! – парировал он. – Я ведь, парень, в своё время корову держал и полностью своими руками на нее накашивал. Мы, послевоенные дети, никогда без работы не сидели! Постоянно – то в огороде, то в поле, то за дровами в лес бегали. Или в колхозе от зари до темна трудодни зарабатывали.

Он косил. Я смотрел, любовался его работой. А как не любоваться, когда в работе нет изъяна! Ведь когда-то я и сам

вот так же косил траву для своей коровы Дочки. В деревне жить без молока и мяса нельзя. Это горожанину просто: сходил на рынок, купил то, что нужно и сколько надо, если есть деньги. И нет заботы о заготовке корма для кормилицы. Не нужно вставать утром затемно, ехать на покосы и косить до росы и надеяться на вёдро – хорошую, солнечную погоду, чтобы дождь не испортил труды и не сгноил сено.

Работоспособность Анатолия Николаевича меня поразила. Прошло не так много времени, может, около часа, как он работал. За это время Адмирал выбил литовкой всю траву возле дома. Чтобы меня комары не кусали, прокосил тропинки к туалету и на метеостанцию, после чего присел рядом отдохнуть:

– С непривычки что-то маленько устал, взмок...

– Как же тут не устанешь? – не скрывая в голосе похвалы, ответил я. – Считаю, теленку на зиму накосил!

– Да где уж тут на теленка, – визуалью окидывая фронт работы, развел руками он. – Так себе... трем кроликам на жевок.

Мы посмеялись. Посмотрев на пригорок, Адмирал заметил, что надо бы заварить чайку из черничника, который растет тут же, неподалеку, на этом пригорке. А потом рассказал мне небольшую байку из своей жизни, связанную и с очень полезной и вкусной таёжной ягодой черникой.

– Когда я женился, моя разлюбезная молодая жена Татьяна повезла меня на смотрины к своим родителям в поселок

Табат Бейского района. Это в Хакасии, в горной подтаежной зоне. Тайга там – за огородами. Зверья и всякой живности много, как и ягоды. Я вырос здесь, в нашей Минусинской степи, в тайге раньше никогда не был. Приехали мы к родителям в августе: самый сезон сбора ягод. Меня угостили черникой, которую я никогда до этого не видел. Попробовал – какая прелесть! Вкусная, сочная, сладкая! Черника мне так понравилась, что ел её горстями, черпая рукой из ведра: брат жены как раз вернулся из леса с полной четырехведёрной торбой.

Пока готовились к застолью, тёща отправила меня в кладовку. Сейчас не помню, что надо было принести. Зашёл, взял то, что просила принести тёща, и увидел, что на полке стоит еще одно ведро с черникой! Да такой крупной, здоровенной, в половину мизинца! Я взял полную горсть и, прежде чем выйти, забил ягодой рот. Закрываю дверь кладовки и одновременно начинаю разжевывать её, ожидая приятный вкус сладости. Рано радовался: горечь и непривычный привкус перекосили мое лицо. Не понимая, что я затолкал себе в рот, испугался. Застыл, как мраморный Орфей. Родители жены, ее брат смотрели на меня с удивлением, не понимая, что случилось с моим лицом. Боясь выплюнуть вязкую горечь (люди скажут, ну и зять – жадный!), я усиленно начал работать челюстями, пока не проглотил все, что связало в узел язык и зубы!

После этих слов Анатолий Николаевич сделал многозна-

чительную паузу, прежде, чем сказать:

– Вот так после черники я познакомился с жимолостью!

Адмирал бережно повесил литовку под стреху сарая. В честь окончания работы мы усугубили (в смысле пригубили) кедровой настойки и уже хотели запеть песню про бродягу, который «судьбу проклиная, тащился с сумой...», как из-за угла дома вышел Виктор Николаевич, который торжественно объявил:

– Баня готова!

Кто кого запарил

Мы все ожидали этого момента, но не думали, что он наступит так быстро. А предо мной стояла серьёзная задача: как попасть на метеостанцию, до которой от дома Анатолия Николаевича триста метров, если мой верный Буцефал не подает признаков жизни? Спит Саша. Устал после двух суток работы. Адмирал не стал его будить. Решили попросить Лешу, сына Вити Баяндина, помочь с передвижением.

Лешу ждали недолго. Минуты через три он уже был в домике: степенный, добродушный, рассудительный. Слова лишнего не скажет, не подумав. Среднего роста. Широкоплечий. Жилист руками. Походка неторопливая, твёрдая, бесшумная. Лицо невозмутимое. Глаза внимательные. В таких людях сразу видно охотничью статью, человека тайги от рождения. Когда он подавал руку для знакомства, я сразу почувствовал крепкую ладонь снайпера, который выстрелил из ружья не одну тысячу патронов. Говорю эти слова уверенно.

До сегодняшнего знакомства Анатолий Николаевич кратко рассказывал мне о нём. После окончания школы и службы в армии он вернулся сюда, в тайгу, по зову крови. Так же, как отец, промышляет соболя, ловит рыбу, добывает орех, работает на метеостанции. И не хочет ехать в город, жить в цивилизованном обществе потому, что родился и вырос здесь. Ему известны каждый распадок, гора, даже дерево, на кото-

ром он добывал соболя. А в реке он знает каждую яму, шиверу и камень, которые надо обойти на моторной лодке в тот или иной уровень воды. И не желает покидать эти места, потому что чувствует себя здесь хозяином, живет той жизнью, которая ему предначертана с малых лет. Любовь к тайге он впитал с молоком матери, с первым глотком чистого воздуха. Такая любовь передаётся из поколения в поколение. Не случайно говорят, что настоящими охотниками не становятся, а рождаются.

В своих выводах о Леше я не ошибся. Это стало видно сразу, как он поднял меня на спину и спокойно понес до метеостанции. На всем протяжении пути в нем чувствовалась сила, крепость жилистых мышц, твердость постановки ног. Стало понятно, что парень ходил по тайге немало с тяжёлыми котомками на плечах. И насколько был вынослив, подсказывало его спокойное дыхание, не сбившееся до крыльца дома.

Когда Леша нёс меня на себе по широко прокошенной Адмиралом тропинке, мне почему-то вдруг вспомнился случай, произошедший со мной в начале «второй жизни», после того как я стал инвалидом. Дело было в родном Чибижеке, когда после больницы я начинал приспособливаться к ограниченному образу передвижения. В моем доме ещё не было пандусов, в ограде – тротуаров, чтобы я мог самостоятельно передвигаться на коляске. Обычная помывка в бане становилась сложной. Кто-то носил меня туда и обратно на спине.

И этот кто-то должен быть не только сильным, но и уметь это делать. Однажды брат Женя приехал из города с товарищем. Костя был высокий и широкоплечий, как шифоньер с антресолями. Женя представил его как спортсмена-дзюдоиста. В банный день казалось, что нет проблем с тем, кто меня сегодня доставит в баню. Костя не отказался, поднял меня на спину, понес. Уцепившись руками за его плечи, я как-то сразу прочувствовал хлипкость жидковатого тела, слабость рук и согнутых ног. После третьего шага Костя начал задыхаться, спотыкаться и едва донес меня до бани, до которой было-то не больше тридцати метров. Назад шли ещё хуже. На половине пути Костины ноги подломились рифлёным шифером, и мы с ним завалились в картошку. Смешно рассказывать, как долго и неумело он пытался меня поднять на руки с земли и занести в дом, и как потом моя бывшая жена Светлана отмывала с тела глинистую землю.

Ещё один случай. Был такой же субботний день. Топилась баня. По каким-то причинам меня опять некому было унести на помывку. Я сидел в коляске в ограде скучный и подавленный. Смотрю, по дороге идёт дружок брата, Серега Шаповалов. Деревенский парень, работяга, таёжник и охотник, невысокий, метр шестьдесят ростом, но крепкий в плечах. Он чем-то походил на шестнадцатилетнего юнца. Что поделаешь, если его таковым породила природа! Увидев меня, Сергей зашёл во двор, присел рядом. Мы завели какой-то разговор, и я даже не думал говорить ему о своих проблемах.

Когда он узнал, зачем мне нужен брат Женька, тут же предложил свои услуги. Вспоминая Костю, я недоверчиво смотрел на Сергея, представляя его физические возможности и себя в картошке в огороде. Серега был настойчив. Я нехотя согласился. Когда он понес меня в баню на своей спине, я был крайне удивлен силе, ловкости и выносливости «конька-горбунка». Так я его назвал, когда он, быстро переставляя свои сильные, жилистые ноги, почти бегом доставил меня на полоч. Возвращение назад, в дом, было ещё быстрее. На половине пути я спросил Серегу, не тяжело ли ему? На что он ответил: «Все нормально! Вот только неудобно... твои ноги за землю цепляют».

С тех пор у меня в корне изменилась привычка визуально определять на выносливость людей и давать, не думая, оценку событиям. Видимое и действительное, явное не всегда совпадают. Уместно в таких случаях вспомнить много метких пословиц, таких как «Не все то золото, что блестит!», «Мал да удал!». В них заложена мудрость. И я уверен, что деревенский парень, человек тайги, как правило, в десятки раз выносливее любого спортсмена. Хотелось бы провести такой эксперимент. Поставить титулованного биатлониста рядом с охотником, нагрузить на спины котомки килограммов на тридцать, надеть широкие камусные лыжи и пустить в целик – снежный покров без лыжни. Интересно посмотреть, сколько он протянет и на каком пригорке у него подогнутся ноги. Чтоб не бегать по набитой, твёрдой трассе на лёгких пласти-

ковых лыжах с одной винтовкой за спиной?! Пусть попробует пройти по пересеченной местности, утопая по колено в снегу, когда у тебя за спиной двадцать килограммов груза, ружьё, топор и прочие необходимые в тайге мелочи. Да осилит крутые перевалы. И так несколько дней подряд от зари до зари, когда не хватает светового дня. А ещё – проведёт не одну ночь у костра, потому что в переходной избе какие-то сволочи сожгли дрова и сожрали все продукты, или вообще утащили печку и спать приходится на улице возле ноды.

Отвлекусь, но приведу ещё случаи «благородного» поведения незваных гостей. Нередко на столике охотник видит: «Был Коля Метелкин. Взял на лабазе тушенку, сгущенку, сахар, сухари, потому что нечего было есть. Живу в Москве (Ленинграде, Новосибирске...) на улице Маркса, дом 185, квартира 53. При встрече верну деньгами». Ну не скотина ли ты, Коля Метелкин?! Если ты взял продукты, возмести потом продуктами же, верни их в избушку! Так велит закон тайги! Охотник, доставляя сюда, в тайгу, груз, тащил на своем хребте многие километры не для того, чтобы ты набил свои кишки и использовал чужой труд во благо своего желудка, а потом расплатился (!) за конфискацию продуктов где-то в городе. И ты, Коля Метелкин, прекрасно знаешь, что никто к тебе в твой город не приедет и не будет просить деньги за продукты. Поэтому ты и пользуешься простотой души сибирского промысловика, надеешься, что все останется безнаказанным. Если посмотреть «на обратную сторону меда-

ли», как бы ты завопил, если бы увидел в своей квартире подобную записку и приглашение приехать в тайгу, где тебе должны отдать украденные (да-да, сворованные!) из твоего холодильника продукты?! Ведь тайга для промысловика – дом родной. И если ты ступил за его порог, относись, пожалуйста, к его хозяину с уважением.

Триста метров между домиком Анатолия Николаевича и усадьбой Баяндиных Леша пронес меня за три минуты. Я нисколько не сомневаюсь, что он нес бы меня так и дальше, хоть километр или два, при этом не сорвав спокойного дыхания, да уготованное место в ограде в виде кресла определило конечный пункт нашего шествия.

Вокруг меня тут же собрался «симпозиум» из членов большой семьи Баяндиных. Пока мы беседовали с Лешей, рядом суетились внуки, приехавшие к бабушке Тане на лето. Важный Сережа, уже без спасательного жилета, командовал парадом, определяя младшему брату Диме, чем заниматься. Из соседней квартиры в дом свекрови быстрой походкой прошла Аня, жена Леша. Но главную роль в приёме гостей, конечно же, играла хозяйка дома, супруга Виктора – Татьяна. Красивая женщина с очаровательной улыбкой вышла на крыльцо дома, поприветствовала всех гостей, определила план дальнейших действий каждому и, недолго пообещавшись, вернулась на кухню, накрывать на стол.

С Татьяной мы уже встречались дважды, когда они с Виктором приезжали на машине в районный центр Курагино.

Первый раз это было летом, второй раз – весной этого года. Наше общение было непродолжительным, не больше десяти минут. Все же этого было достаточно, чтобы обратить внимание на отношения супругов друг к другу. Взаимное уважение, доброта и отзывчивость резко выделяли Виктора и Татьяну из многих людей. В городской жизни, наблюдая в роли обывателя со стороны, редко вижу на лицах мужей и жен улыбку. Обычно приходится слышать грубые фразы: «Ну, ты там еще долго по магазину шариться будешь?», «Открой дверь (в машине), сидишь, как дундук! Не видишь, у меня в руках сумки?», «Куда ты, корова, поперлась?». У Вити и Тани все было не так. Когда Татьяна садится в машину, Виктор откроет ей дверь. Если что-то надо достать из машины или наоборот, поставить в нее, Виктор делает это быстрее, чем жена. Зимой, на тридцатиградусном морозе, Витя долго грел промерзший уазик, прежде чем поехать. Не только для того, чтобы «накалить» двигатель, а чтобы Тане было теплее ехать! Обращаются супруги друг к другу только по имени, а не «эй, ты!», как нередко бывает в семьях, проживших не один десяток лет. Еще хочу сделать акцент на таком факте. У Вити и Татьяны уже большие внуки, например, Сереже 10 лет. А бабушка выглядит лет на 30—35. О чем это говорит? Во-первых, муж хороший! А во-вторых, без сомнения, между супругами – любовь и согласие.

Во время нашей беседы, восседая на «царском троне», я с интересом рассматривал всё, что меня окружало: дома, по-

стройки, огороды, тайгу. Поэтому могу дать общую характеристику этому небольшому населенному пункту, куда я мечтал попасть долгие годы. Но прежде вставлю в текст ознакомительную справку, предоставленную мне её начальником и хозяин Виктором Баяндиным.

* * *

«Метеорологическая станция «Казыр. Красноярский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды».

Станция образована в 1947 году на базе Тридцатой пограничной заставы. Изначально станция называлась «ТДС Пономарево». ТДС – труднодоступная. Первый начальник – Стрельцов Г.А. Наблюдатель – Кириллов А.А. Переименована в ТДС «Казыр» в конце семидесятых годов. Штат станции – 6 человек: начальник, 4 техника-метеоролога и один гидролог.

До 2000 года информация в Центр передавалась ТЛГ (телеграфом, морзянкой). Не было телевидения. Из «просветительной культуры» – радиоприемник VEF-спидола и кинопроектор «Украина». В данное время станция работает на цифровой радиостанции. Есть спутниковая связь. Цифровое телевидение – 50 каналов. (Но, как и прежде, предпочитают песни Высоцкого).

Люди, работающие на ТДС «Казыр», посвящают свою

жизнь интересной профессии. Помимо метеорологических наблюдений – производство сложных гидрологических работ. В зимнее время температура воздуха –35...–40 градусов по Цельсию. Толщина льда на реке более метра. Производство снегосъемки при толщине покрова более метра. Снеголавинные работы по бассейну реки Казыр с помощью авиации. Наблюдения за опасными явлениями.

Сама жизнь на ТДС «Казыр» формирует характер людей, проживающих здесь долгое время. Жизнь их напрямую связана с охотой, рыбалкой и... постоянным противостоянием суровым климатическим и погодным условиям».

*** * ***

Метеостанция «Казыр» представляет собой маленькую уютную, окруженную густым темнохвойным лесом заимку. Прежде всего, взгляд любознательного человека привлекают широта, простор и, конечно, – состояние крепкого хозяйства, в котором организована размеренная жизнь. На территории – несколько домов, в которых в зимнее время проживает всего шесть человек. Начальник метеостанции – Виктор Баяндин. Татьяна – его заместитель и правая рука по всем животрепещущим вопросам. Сын Леша и его молодая супруга Аня – главные помощники. В соседних домах, неподалеку, живёт еще одна семья рабочих. Общее число жилых строений вместе с домиком Анатолия Николаевича состав-

ляет пять домов. Один из них сейчас пустует. В нём жил отец Виктора Иван Васильевич Баяндин, который умер в этом году в мае. К моему большому огорчению, мне не довелось побеседовать с самым мудрым старожилом этих мест, проживавшим здесь с 1942 года.

Недавняя перестройка и соответствующее финансирование на благоустройство метеостанции Росгидрометеоцентром значительно преобразили её. Взамен старых, с 40-х годов прошлого века, барачных выстроили большой трехквартирный дом, отдельный пункт приема-передачи сведений, необходимые хозяйственные постройки для бытового обслуживания. За постройками – огороды, на которых у Татьяны растет все, даже помидоры. А за огородами начинается высокоствольный темнохвойный лес. Квартиры в доме завидно просторные, уютные, теплые. Большая ограда (куда можно свободно загнать шесть танков) подчеркивает широту сибирского характера: «Что хочу, то и поставлю, куда хочу, туда и положу!» Гаражей нет, необходимая техника, снегоходы и лодочные моторы стоят под навесом. Мотоцикл «Урал», который Витя заплывил сюда на лодке, накрыт от дождя куском брезента. Дорога для трехколесного коня из ограды на берег Казыра составляет не больше трехсот метров.

Рядом с домом – метеорологический пункт связи. Здесь работники метеостанции через каждые три часа отправляют в Центр сводки о погоде, температуре и влажности воздуха, уровне воды в Казыре. Для метеорологов наиболее приемле-

мо подобное расположение строений и помещений. Это сейчас, в июле, здесь тишь да красота. Лишь комары покоя не дают. А начнется осень с проливными дождями, слякотью и промозглой мокрядью, а за ней – зима с обильными снегопадами и суровыми морозами, тогда жизнь на метеостанции окажется на такой сказочной, как это представляю сейчас я. Вот тогда близость места работы и всех хозяйственных построек сыграют немаловажную роль. Двадцать метров до пункта приема-передачи по заснеженной тропинке покажутся дальше, чем поход в магазин в городе. На мой взгляд, выбор места для метеостанции «Казыр» сделан идеально: всему свое место.

И все же наибольшее впечатление на меня произвела... баня. Не буду рассказывать, для чего и зачем человеку тайги нужна баня. Расскажу о том, насколько она впечатлила своими размерами и внутренним состоянием. Расположенная напротив крыльца дома в десяти метрах, баня изначально привлекает внимание любого «человека с ветру». Обшитая струганой, отлично подогнанной рейкой-вагонкой, банька сразу притягивает к себе внимание. Хочется посмотреть, что там, внутри. И долго остаешься под впечатлением «произведения искусства», иначе баню на Верхней Тридцатке не назовешь. Кстати, метеостанция «Казыр» в народе называется Верхне-Казырская заимка, или Верхняя Тридцатка.

В ожидании появления хозяина дома мы решили использовать баню Вити по прямому её назначению. Широкая кед-

ровая доска (на всю ширину коляски!) послужила мне отличным пандусом. С помощью Саши (к этому времени он хорошо отдохнул, проснулся и пришел к нам) я проворно закатился в предбанник, в котором можно разместить человек двадцать одновременно. Здесь все предусмотрено: диван для отдыха, стол, стулья, березовые веники под стрехой, запасные тазики, ковшики и прочие вещи для любителей париться. Анатолий Николаевич проследовал за нами, закрыл за собой дверь и спросил:

– Когда в бане последний раз парился?!

Названная цифра в четырнадцать лет привела моих друзей в шок.

– Четырнадцать лет назад?!

– Да как сказать... – поправил сам себя я. – Виктор Николаевич меня постоянно парит, когда я приезжаю к нему в гости. Но это все как-то не то. Хочется завалиться на полочку настоящему! Как это было раньше. Во всю длину тела! Прогреться, а потом – чтобы меня хорошие руки веничком... да подольше! И чтобы дух захватывало!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.